
ОБЩЕСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АРМЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ
В ГОДЫ ГЕНОЦИДА

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

На заре XX столетия, в годы Первой мировой войны, в Османской империи «армянский элемент», по турецкой терминологии, был безжалостно выкорчеван, растерзан и изгнан. Сотни тысяч чудом уцелевших армян, оставив нажитое поколениями и могилы предков, в исступлении спасали свою жизнь от расправы фанатичных турок и курдов. Массы беженцев и сирот рассеялись по миру, и Россия оказалась самой близкой из тех стран, где западные армяне обрели гарантии физического существования, безоблачное будущее, спокойную жизнь.

В первые же годы мировой бойни относительно трагической судьбы армян пресса констатировала: «Народ-мученик принес на алтарь всепожирающей войны большие, очень большие жертвы, своей кровью покупая себе право на дальнейшее свободное существование. Эти колоссальные жертвы армянского народа оценены всем цивилизованным миром, и сочувствие всех наших союзников окрыляет армянский народ надеждой, что за этими мрачными днями суровой войны для армян восходит заря новой жизни. И безропотно готов армянский народ испить до дна чашу с ядом смерти, не отступая ни на шаг пред своим национальным идеалом с твердой надеждой в душе на грядущее возрождение»¹.

Младотурецкая верхушка всячески старалась умолчать и скрыть от мировой общественности кровавые преступления против беззащитного и мирного армянского населения собственной же страны. Зачастую это удавалось. Турция пыталась доказать обратное: якобы, армяне уничтожали в своих неприступных горах и ущельях «мирных», «безобидных» турок! В итоге в разгар войны, когда уже Западная Армения фактически была очищена от армян, появилась изданная турками так называемая «Белая книга» (официальное название – «Правда об армянском национальном движении и мерах правительства»), где наряду с весьма невнятным признанием (впервые!) фактов «насилий и злоупотреблений по от-

¹ «Армяне и война» (Одесса), 1916, № 9.

ношению к армянам со стороны турецких военных и гражданских властей, вызванных войной», утверждается, что «армянский элемент» (у турок язык не поворачивается признать существование армянского народа) в Турции, как до принятия конституции, так и после, всегда находился даже в привилегированном положении по сравнению с другими народностями империи.

«Армяне все время были в фаворе у императорского правительства, которое оказывало им благожелательное доверие, и поэтому большинство из них занимали важные посты в стране», – заявляет «Белая книга»². Более того, «армянский элемент, которому непрестанно оказывалось совершенно особенное благожелательное покровительство со стороны императорского правительства, получил такие концессии и привилегии, какие никогда не давались ни одной из других народностей какого бы то ни было государства». И этот счастливый, облагодетельствованный «армянский элемент» почему-то взывал к совести цивилизованных народов, а иногда, перед еще не остывшими трупами своих соплеменников, пытался снискать себе покровительство у тех или иных государств. По мнению младотурок, армяне это делали потому, что не способны были «оценить благ правосудия и благосостояния», которыми они пользовались, но, напротив, не преминули воспользоваться случаем, чтобы «создать препятствия и затруднения внутреннему и внешнему положению Турции». Всею виной, оказывается, закрепившиеся у армян «старые привычки» – «способствовать ослаблению и падению империи». Младотурки подтверждают это аданскими событиями 1909 г., Балканской войной 1912–1913 гг., ванским восстанием 1915 г. и т. д. В откровенно антиармянской брошюре младотурецкое правительство силится доказать, что армяне стремились на развалинах империи создать независимую Армению, изобличает армян в их давнишних сепаратистских стремлениях и тяге к России. А бедствия армян, мол, есть результат увлечения нарисованными перед их глазами перспективами независимой Армении.

Армянская интеллигенция России и армянское общество с возмущением восприняли появление столь лицемерного, отвратительного и циничного «документа», пытающегося представить цивилизованной Европе новую, «образованную» Турцию, пекущуюся о благе подвластных ей народов, в то время как на самом деле младотурки утопили в крови и слезах армянский народ на обширных пространствах терпящей крах Османской империи...

² Белая книга. О войне с Турцией. Пг., 1914.– «Армянский вестник» (М.), 1916, № 27, с. 12.

В период Геноцида активную общественно-патриотическую, издательскую и публицистическую деятельность в России развернули многие видные сыны армянского народа, в частности, такие выдающиеся и яркие представители общественно-культурной и литературной элиты, как А. Дживелегов, Г. Чалхушьян, К. Микаэлян.

Известный в России и за ее пределами историк, искусствовед, литературовед, писатель, переводчик, публицист *Алексей Карпович Дживелегов* (1875–1952) не мог оставаться равнодушным к проблемам родного народа. Первая мировая война стала важным рубежом в развитии его общественно-политических взглядов.

В научном творчестве, публицистической деятельности ученого проблемы истории армянского народа, русско-армянские отношения, дипломатическая борьба вокруг Армянского вопроса, младотурецкая политика истребления армян и т. д. занимают особое место. Перу А. Дживелегова принадлежат книги «Армяне в России» (1906) и «Будущее Турецкой Армении» (1911), около полусотни статей об Армянском вопросе и Геноциде – в основном в виде передовиц, опубликованных в предпринятом и редактируемом им совместно с редактором-издателем И. Амировым московском еженедельнике «Армянский вестник» (1916–1918). Среди заметных и резонансных статей и обзоров – «Положение армян в Турции», «Об Армянском вопросе», «Судьба Армении», «Англия и армяне», «Русские победы и армянский народ», «Автономия Армении и русская интеллигенция», «Земельный вопрос в Турецкой Армении», «Неотуранизм и Армения», «Вопрос о возвращении беженцев в Армению», «Военнопленные армяне», «Новые ужасы в Армении», «Помощь Соединенных Штатов армянам», «Армения и Турция», «Русская революция и Армения» и многие другие.

В статье «Раны Армении» («Русские ведомости», 4 августа 1915 г.), давая широкую картину страданий армян, А. Дживелегов, в частности, пишет: «... После того, как в Ване армяне не захотели добровольно подставить свою шею под нож палача, добровольно отдать на позор и муки жен и дочерей, младотурки приняли свое решение. То, перед чем останавливался кровавый Гамид, художник по части зверств, то пытаются осуществить политиканы, завладевшие властью и удерживающие ее при помощи германских штыков. Они решили истребить армянский народ, вырвать с корнем христианскую расу, существование которой грозит теперь уже серьезно целостности Оттоманской империи». Далее автор приводит подробности, которые «поистине ужасны»: цвет армянской интеллигенции арестован и «понемногу умерщвляется в неволе», крестьяне «не выходят из полосы погромов всюду, где звучит в Турции

армянская речь», в Константинополе «не прекращающееся состояние христианского погрома», церкви «разгромлены и сожжены». Говоря об угрожающем росте числа – до 200 тысяч – беженцев-армян из Турции, хлынувших в Болгарию, Грецию, Россию, А. Дживелегов призывает российское правительство и общество оказать немедленную и действенную помощь несчастным, зачастую умирающим уже не от турецкого ятагана, а от холода, голода и болезней. Судьба Армении, по мнению публициста-патриота, «самая тяжелая», однако «нельзя уничтожить народ» – Армения подыметя из пепла и будет жить, но нужно дать ей возможность оправиться от бедствий, справиться с тяжелым кризисом, в который она попала... И от России ждет помощи Армения.

«Ни один из прежних армянских погромов, не исключая погрома 1895–96 гг., – писал Дживелегов в 1916 г., в статье «Немцы, турки и Армения», – не может идти в сравнение с тем, что свершилось над армянами в дни великой войны. Все население Турецкой Армении, насчитывавшее до войны около двух миллионов, подверглось систематическому искоренению... Подробности и картины скорбного исхода из родных мест на чужбину таковы, что сознание отказывается воспринимать. Ни во времена Чингиса, ни во времена Тамерлана армянам не приходилось переживать ничего подобного. Средневековые дикари просто убивали, чтобы завладеть добычей, современные варвары в этом безумии истребления преследуют определенную политическую задачу»³. А «задача» ясна – истребление армянского народа, изгнание его с собственной земли, с исторической родины под предлогом «военной необходимости», совершаемое при попустительстве (если не сказать – подстрекательстве) германского правительства. В чем же «интерес» немцев? Дживелегов поясняет: «Армяне в Турции широко окаймляют почти всю русскую границу. Очистить пограничную полосу от армян значило облегчить стратегическую задачу на русско-турецком фронте. Так возник план выселения. Он возник в германских головах. Как он осуществлялся, известно всему цивилизованному миру. Дикой вакханалии безудержных палачей армянского народа ничто не могло помешать...»⁴.

Спасение армянского населения в Турции, «столь нужное с точки зрения интересов России и ее союзников», возможно, по мнению автора статьи, только при одном условии: нужно победить немцев, тогда только «охладится мания величия младотурок, Турция займет принадлежащее ей скромное место, и армяне смогут спокойно думать о своем будущем».

³ «Армяне и война», 1916, № 1.

⁴ Там же.

А. Дживелегов был убежден, что чем ближе узнает армян русское общество, тем справедливее будет его отношение к судьбе многострадавших турецких армян – «сочувствие русского общества в значительной мере решает вопрос о будущем Армении». Он выражает надежду, что сочувствие армянам со стороны русского общества – если этого сочувствия еще нет, или «если оно не успело разлиться широко» – явится, как только русскому обществу сделаются известны факты армянской действительности, история общественно-политической и национальной жизни армян и их культура. «Армянский народ, – подчеркивает автор, – как целое, переживает сейчас едва ли не самый трагический момент за всю долгую и скорбную историю своего национального существования. Меч бога войны его поразили больше, чем всякий другой народ...»⁵.

Интересны размышления А. Дживелегова в связи с взятием русскими Трапезунда. 24 апреля 1916 г. в «Армянском вестнике» он пишет о новом, славном подвиге «несравненной» Кавказской армии, наполнившем радость сердца армян. Результаты занятия древнего города, по мнению автора, «с точки зрения национальных интересов армянского народа, очень велики». Трапезундский вилайет, как известно, включался в территорию автономной Армении, Трапезунд давался Армении как выход в море, как порт. В дальнейшем, поясняет Дживелегов, вопрос осложнился с выдвиганием Киликийской проблемы: «Киликийские порты, т. е. выход в Средиземное море, более отвечали как историческим основам армянского национального развития, так и этнографическим и статистическим условиям». «Политический вопрос, вытекающий из занятия Трапезунда, – пишет автор, – очень сложный, и может быть разрешен в полном объеме лишь в связи с разрешением вопроса о Киликии. Только всемирный конгресс, который закончит войну, будет обладать достаточной компетенцией, чтобы развязать сложный узел разнообразных отношений, связанных со стремлением армянского народа к морю. Только всемирный конгресс сумеет примирить чаяния армянского народа с великодержавными интересами России, Англии и Франции»⁶.

А. Дживелегов использовал для своих пламенных патриотических и аналитических статей по Армянскому вопросу и Геноциду армян не только страницы «Армянского вестника». Он часто выступал и с публичными лекциями в Москве и других крупных российских городах. Так, например, в конце октября 1916 г. в московском театре «Наука и жизнь» он представил обстоятельный доклад на тему «Армения в ее прошлом, настоящем и будущем». А. Дживелегов обрисовал основные

⁵ «Армянский вестник», 1916, № 1, с. 1.

⁶ «Армянский вестник», 1916, № 12–13, с. 2.

моменты исторического прошлого Армении, с самого же начала заметив, что расположенная на стыке Европы и Азии, страна была той «проходной дорогой», по которой неизменно шли «все народы-завоеватели по пути к великим своим победам». Докладчик подчеркивает, что при таких условиях, не только не приходится удивляться, что армяне не сохранили свою независимость, но, напротив, самое существование армянского народа, наличие особого его языка и культуры, культуры, выношенной в глубине веков, – составляет историческую загадку и указывает на необыкновенную силу и живучесть духа армянского народа.

А. Дживелегов одним из первых армянских интеллигентов приветствовал свержение монархии и установление демократической республики в России на страницах «Армянского вестника» от 12 марта 1917 г. Касаясь непосредственных интересов родного народа от свершившегося, он подчеркивает: «Армянский народ приветствует революцию. Он не может не приветствовать ее. Ибо революция сразу подвинула его в тех двух направлениях, в которых его чаяния находили до сих пор столь мало сочувствия. У армянского народа... есть целый ряд таких интересов, которые общи со всеми остальными культурными народами России. Полное гражданское равноправие, прекращение политики, которая черпает свое вдохновение из нелепых опасений анархизма, которая искусственно не пускает армянина на Кавказ..., которая ставит препоны культурному развитию нации в духе ее исконных традиций... Но у армянского народа имеются и особые требования, вытекающие из факта его национально-политической раздробленности. Турецкая Армения должна быть свободна и должна получить право политического самоопределения. Требование автономии Армении, требование чистое, как снег на вершинах Масиса, загрязнено клеветой, недоброжелательными ревнивыми подозрениями, шовинистическими предосторожностями. Свободная Россия должна смыть всю эту грязь и признать за армянским народом в Турции право на автономию... Да здравствует новая свободная Россия и да утвердится в ней царство национальной справедливости!»⁷.

Как видим, воодушевление от революционных перемен в России и надежды на полное и окончательное решение Армянского вопроса в результате этого у Дживелегова велики, так же, как у всей передовой, прогрессивной армянской интеллигенции того времени. И не их вина, что история распорядилась иначе...

После Октябрьской революции политическая деятельность А. Дживелегова прекращается – он полностью уходит в науку, что было

⁷ «Армянский вестник», 1916, № 10–11, с. 3.

для него, как и для многих талантливых людей эпохи, своего рода внутренней эмиграцией. Изменяются также направленность и тематика его научных трудов. Но где бы ни работал А. Дживелегов, о чем бы ни писал, проблемы родного армянского народа никогда не отодвигались им на задний план – исторические судьбы Армении, так и не нашедший своего окончательного решения Армянский вопрос всегда волновали его, заставляли братья за перо, тем самым привлекая к армянам мировое и, в первую очередь, российское общественное мнение.

Так, например, весьма интересно отношение А. Дживелегова к декрету «О Турецкой Армении», которое он высказал на страницах «Армянского вестника» в 1918 г., когда еженедельник, в силу смутного времени, прекратил свое существование, выпустив всего четыре номера (с января по март). Подлинный патриот вновь проявляет весь свой публицистический дар, всю свою политическую прозорливость, характеризуя этот важный документ большевистской России в своем обзоре от 1 февраля. «Декрет, разумеется, нестерпимо демократичен, как и все, что выходит из горнила большевистской законодательной лаборатории, – пишет он. – И так как демократические принципы международной политики большевиков во многом совпадают с интересами армянского народа, то декрет мог бы быть горячо приветствуем последним, если бы его в корне не портила доктринерская прямолинейность, пропитывающая его от начала до конца».

Оценивая провозглашенный декретом лозунг о свободном самоопределении Турецкой Армении вплоть до полной независимости, автор задается вопросом, как эти заверения могут быть осуществлены практически. Этого ощущения нет и у армянского народа, поскольку уже начавшийся вывод русских войск из Западной Армении означает возвращение завоеванной с таким трудом Армении туркам, и очищение Армении русскими войсками будет знаменовать собою не независимость Армении, а уступку ее Турции. Вывод Дживелегова однозначен – при существующих условиях это будет самым настоящим предательством по отношению к армянам, и результаты нетрудно предвидеть: вступив в очищенную русскими войсками Армению, турки покажут армянам такую «независимость», которая превратит страну «в ни что иное, как огромное кладбище». Автор статьи напоминает: если советское правительство действительно хочет дать Армении независимость, оно должно помнить одно: «малые народы никогда или почти никогда не завоевывали своей независимости собственными силами, им всегда помогали народы сильные». Дживелегов прямо обращается к большевикам: «Пусть гг. Ленин и Троцкий вспомнят пример Греции, Болгарии, Сербии, Бельгии, и это им станет ясно. А помощь России может выразиться только в

том, что в Армении будет оставлена хотя бы часть русской армии»⁸. Другим слабым местом советского декрета Дживелегов считает неопределенность в формулировке о границах Армении: «...комиссар по делам национальностей г. Джугашвили (Сталин. – Р. Б.) ... сказал, что границы Армении будут определены представителями армянского народа по соглашению с представителями мирных мусульманских и иных округов совместно с чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа. И следовательно, речь идет только о территории, занятой до большевиков русскими войсками и об этнографических границах Армении (вместе с Киликией) речи нет. ... При этих условиях, – резюмирует Дживелегов, – Армения, если даже ей удастся получить независимость, не получит никакого выхода в море, даже в Черное. Что это будет за самостоятельное политическое существование, видеть нетрудно. Нам хочется верить, что советское правительство действительно желало добра армянскому народу. Но декрет и комментарии к нему составлены так, что если все то, что в них содержится, не дай Бог, осуществится на практике, армянский народ окажется жертвой самых тяжелых несчастий. Пусть гг. Ленин, Троцкий, Джугашвили и их товарищи подумают об этом серьезно. Есть еще время пересмотреть решение»⁹.

Смелое, решительное заявление А. Дживелегова, к сожалению, не заставило «гг. Ленина, Троцкого, Джугашвили» изменить свою позицию в отношении Западной Армении, так как Москва уже заигрывала с турками за спиной армянского народа. Между тем стоит напомнить, что в советской историографии десятилетиями насаждался миф о «спасительном» и «судьбоносном» для армянского народа декрете «О Турецкой Армении», показавшем «подлинный интернационализм» Советской России! Увы, история показала, что знаменитый, высоко оцененный в десятках научных исследований армянских ученых советского периода декрет также по сути был лишь декларацией, «холостым выстрелом», и о разработке практических мероприятий по претворению в жизнь прав армянского народа (вернее – западноармянского, о котором вроде бы «пеклись» авторы декрета) не могло быть и речи в силу отсутствия реальных «рычагов воздействия» на процесс. Опять армяне были предоставлены сами себе! Опять пролитая реками в годы Геноцида армянская кровь оказалась для сильных мира сего, увы, всего лишь водицей!

Известный армянский культурный и общественный деятель, новонахичеванский депутат, юрист *Григор Хачатурович Чалхушьян* (1861–1931) прекрасно знал положение армян в Турции по массам беженцев,

⁸ «Армянский вестник», 1918, № 3, с. 3.

⁹ Там же.

хлынувших на юг России, в частности, на его родину, в Нор-Нахичеван и Ростов-на-Дону, поднял вопрос об издании армянской «Красной книги» в ответ на турецкий бред «Белой книги».

В публицистике и беллетристике Гр. Чалхушьяна периода Геноцида – острая боль за судьбы родного народа, попытка раскрыть богатый духовный облик турецкоподданного армянина, показать его нравственную высоту и страдания безвинных людей, стонущих под чужеземным игом. Прекрасно пишущий и на армянском, и на русском языке, Чалхушьян все же делал упор на русскоязычную печать – с целью как можно шире и глубже ознакомить многослойное российское общество и официальные власти с трагедией армян (тем более что отношение к последним было весьма неоднозначным и в самой России).

Нельзя без волнения и душевного трепета читать его очерки, статьи, эссе и рассказы, отражающие Геноцид армян, историю и перипетии Армянского вопроса. Среди них – «Кровавый год», «Длинен еще путь нашей Голгофы», «Дети», «Кто знает?», «Чудесная оправа», «У пределов ужаса», «Кери», «Бедные богачи», «Еле-еле брезжит луч света», «Протянем руку», «Армяне и русские самодержцы», «Армянский вопрос и армянские погромы в России. Панисламизм», «Мысли, думы, лица», «Когда же народится твой Христос?», «Черствые сердца» и др., опубликованные в 1914–1918 гг. в различных органах российской печати («Армянский вестник», «Приазовский край» и др.) и отдельными книгами или брошюрами.

«Священный долг армян, – писал Гр. Чалхушьян, – представить перед всем миром всю чудовищную картину невероятных преступлений турецкого правительства... Мир должен узнать, что то самое войско, которое рыцарски ухаживало за ранеными пленными, следуя велениям политической игры высших властей, с наслаждением расстреливало невинных армянских детей. Мир должен узнать, что те люди, которых он считал наивным и добродушным народом, оказались более жестокими и кровожадными, чем гиены, по отношению к огромным массам беззащитных людей»¹⁰. Автор считает «жизненным вопросом» для армян ответить на «Белую книгу», ибо «хотя мы знаем, что истина на нашей стороне, что на нашей стороне также и лучшие борцы за справедливость, но все это недостаточно в наш положительный век. Хорошо зная это, наш враг напал на нас своей «Белой книгой»... И ответом на нее должна быть наша «Красная книга»...

Поднятый вопрос получил широкий резонанс в обществе, среди интеллигенции. Но оказалось, что «реализовать идею» пришлось самому

¹⁰ «Армяне и война», 1916, № 9, с. 136.

инициатору... Лишь спустя время, в 1919 г. «Красная книга» Гр. Чалхушьяна вышла в свет¹¹. Это уникальный труд – о положении армянского народа под турецким игмом, о возникновении Армянского вопроса, о Геноциде армян 1915 г., о взглядах автора на решение армянских проблем в послевоенном мире.

Блестящий мастер слова, Чалхушьян пишет в предисловии: «Великие державы время от времени издают «книги» по поводу политического положения страны, дипломатических сношений с другими державами и острых вопросов момента. Эти «книги» пишутся особым слогом, изысканным, чопорным, я бы сказал – не в меру вежливым языком, унаследованным от времен пифийского оракула, метко охарактеризованным еще Талейраном: «Слово дано человеку, чтобы скрыть его мысли». Эти «книги» – исторические документы огромной важности, ибо у всех истинных дипломатов есть одна особенность: они умеют скрывать свои мысли, зато умеют раскрывать прекрасно чужие, так что, когда вы имеете пред собою все книги, изданные правительствами всех держав, вам не трудно и до истины добраться. Эти «книги» цветные – синие, зеленые, желтые, голубые, оранжевые... Нет, кажется, только... черной... Цветные их обложки, цветные их содержания... И вот появилась книга белая. Выпустила ее... Турция. Турция... белая книга и по... армянским делам... Белый цвет – эмблема чистоты, святости, добродетели, невинности... Что общего между этим белым цветом и темными грязными делами величайших преступников нашего времени, этих Энверов, Талаат-беев и tutti quanti? С чувством брезгливости можно раскрывать страницы этой... белой книги, чтобы только видеть всю глубину падения ее составителей» (с. 3–4). Старый, старый, уже набивший оскомину мотив, – не без горькой иронии замечает публицист, – на все лады повторяемый турецкими государственными людьми: «Армяне сами виноваты, что их вырезали, истребили». Они-де представляли государственную опасность, так как слишком сочувствовали русским, англичанам и французам. Надо было их выселить в глубь страны. Произошли «прискорбные излишества». «Некоторые чиновники» допустили «эксцессы»... А в результате... «Сотни тысяч умученных, удушенных, расстрелянных, повешенных, – негодуя пишет Чалхушьян. – Белые рабы, которых продают и выкупают по... лире за душу. Одичалые дети, отучившиеся выражать словами мысли и рвущие на проезжих дорогах руками и зубами сырое мясо падали. Сотни тысяч изнасилованных, замученных, обращенных в ислам, томящихся в гаремах девушек и женщин... Села, деревни, пашни

¹¹ Гр. Ч а л х у ш ь я н. Красная книга. Ростов-на-Дону, 1919. Цитаты приводятся с указанием страниц в тексте.

сожженные... храмы оскверненные... святыни поруганные. Все это называется... «прискорбными излишествами» «некоторых чиновников», а не стройной германо-турецкой системой поголовного истребления армянского народа. Таково содержание... этой... белой... книги. Что может быть общего между всеми этими грязными, черными делами, неслыханными преступлениями и белым цветом, эмблемой чистоты, невинности, святости, добродетели?» (с. 4–5).

И чтобы показать и доказать, что «ничего общего» – Чалхушьян и пишет нашу, армянскую книгу-обвинение: «...назвал ее красной, не по обложке, нет, красной от потоков нашей красной, липкой крови, которая густо окрасила каждую страницу, каждую строку, каждое слово и по капле будет сочиться до тех пор, пока преступники не будут наказаны, пока армяне не получат удовлетворения, пока несчастная страна Армения не будет восстановлена для мирной, культурной жизни...» (с. 5).

Гр. Чалхушьян уверен, что его правдивое слово «как горячий сургуч, жжет чуткие сердца благородных людей и расскажет им о всех несправедливостях, ужасах, зверствах, жертвой которых стал исторический маленький народ, всегда глядевший на культурный Запад и всегда стоявший на аванпосте цивилизации на Востоке, веками истекая кровью, но всегда верный идеалам христианской морали и культуры, разносил всюду с собою их семена»...

О серьезности задачи, поставленной Чалхушьяном перед собой, и емком, многоаспектном содержании «Красной книги» красноречиво говорят названия глав: «Накануне Первой мировой войны», «В Закавказье мы не имеем друзей», «Роль армян в мировой войне», «Армянские ужасы», «Беженцы и сироты», «Тяжелые дни огорчений и искушений», «Революция и Брест-Литовский договор», главы о взаимоотношениях и проблемах закавказских народов – армян, грузин, татар (азербайджанцев), курдов и др. События, факты, люди, имена, судьбы...

Начиная свой труд с прискорбных событий 1894–1895 гг. (сасунская резня, избиение в шести армянских вилайетах), «озаботивших» и «всполошивших» (но, увы, не более) Западную Европу, Чалхушьян констатирует печальную реальность: «Армяне были предоставлены самим себе»... Конституционный строй, введенный в Турции в 1908 г., вселил в сердца армян надежду на улучшение их положения в империи. Но аданская резня и последующие события окончательно убедили, что «при всяком турецком режиме, без действительного покровительства сильной христианской державы, жизнь, честь и имущество армянского населения останутся не гарантированными от насилия и армяне будут считаться бесправными и вне защиты закона», – подчеркивает автор. И этой сильной христианской державой он видит великую Россию.

Вместе с тем Гр. Чалхушьян не мог не отметить и следующего факта: «...после каждой русско-турецкой войны армяне оказывались обманутыми в своих ожиданиях и чаяниях. Раздавались уже предостерегающие голоса, которые, как это ни странно, раздавались из консервативных кругов, о двойственности политики России, которой верить нельзя. Есть печатные труды, доказывающие, что со времени Петра Великого каждый раз армяне оказывались после войны у разбитого корыта и отвечали кровью за свои мечты и ожидания»... (с. 43).

Первая мировая война, однако, вновь возродила армянские надежды на избавление от мусульманского ига. Воодушевление, охватившее армянское общество, было велико. «...Боже мой, какой детский, громадный, непонятный сразу по своим размерам и полету энтузиазм овладел всем армянским народом! – пишет Чалхушьян. – Он был равен по силе той безграничной печали, которая вскоре уже сковала наши сердца, умы и мысли; так высота волн часто служит мерилom глубин бездны...». Во весь свой злополучный рост встал Армянский вопрос. Пошли записи добровольцев-армян из Америки, Англии, Франции, Болгарии, Румынии, из разных углов России... Они распродавали свое имущество, пишет публицист, бросали ремесла, торговлю, дела, покупали необходимое снаряжение и спешили в сборный пункт в Тифлис. «Провожал этих молодых, здоровых, жизнерадостных людей тысячами. Они пели наш марш «Мер Айреник» («Наша Родина» – *Р. Б.*) и радостно шли, словно на званный праздник», – констатирует Чалхушьян и замечает, что помимо этих добровольцев сотни тысяч армян сражались в регулярных войсках наравне с другими подданными России. «Но эти исполняли свой долг перед последней. Совершенно иное чувство было у добровольцев, – продолжает автор книги. – Они рвались на помощь своей родине-матери, которую топтал под каблуком уже столетия изувер. Они рвались на помощь своим зарубежным братьям, вымирающим в неволе, в окопах. Казалось, что заря наступила. Казалось, что рассвет был так близок... Позиция армян раз навсегда была намечена, предопределена. Не было места для каких-либо сомнений. И дружинники все прибывали. Вместе с тем создавалось особое братское единение между армянами и русскими» (с. 45–46).

В эти сложные, но в то же время воодушевляющие дни организуются 7 армянских добровольческих отрядов, во главе которых встают легендарные фигуры – Андраник, Дро, Амазасп, Кери и др. Чалхушьян подчеркивает в своей работе: «Превосходное знание театра военных действий, знание языков турецкого, татарского и курдских наречий; вековая вражда и озлобление против турок и курдов в связи с мечтами и чаяниями, окрылявшими всех, – все это делало армян-добровольцев весьма

ценным фактором на турецком фронте военных действий. Они были всегда в первых рядах при наступлениях и в последних рядах при отступлениях. Взятие Вана, Мокса, Копа, Хныса, Шатаха, бои под Дильманом, Битлисом, ревандузский бой, разгром курдов в Соудж-Булаке, неукротимое мужество, проявленное добровольцами при взятии высот Сорпа и Зевинских, – наполняют нашу душу гордостью и вселяют полную уверенность, что армяне дозрели до свободы». Участие добровольцев в русско-турецкой войне спасло жизнь сотен тысяч беженцев, покрыло славой имя армянского народа и выявило всю глубину «княжеского духа» нации, ее «боевой стойкости и расовой отваги». Впрочем, отношение части армянского общества к добровольцам пережило некоторую эволюцию от горячего преклонения в период организации дружин до резкого отрицания их полезности и, соответственно, изменения отношения к ним со стороны царского правительства: добровольческое движение было ликвидировано...

Анализируя события того времени, Чалхушьян приходит к заключению, что роль армян во всемирной войне была «двоякого рода» – активная и пассивная: «Как активные участники армяне представляли известную физическую живую силу, которая заключала в себе особый интерес не только как боевая сила, но и была ценна по своим качествам и особенностям, как местная, непосредственно связанная своей историей и жизнью с самим краем, прекрасно осведомленная о привычках, особенностях, характере, наречиях враждебных России народностей и также прекрасно знающая всю карту, где разыгрывались военные действия. Пассивная роль армянского народа заключалась в не-слыханных в мире страданиях, мучениях, горе, слезах и крови его. Принято утверждать, что державы всего этого не принимают во внимание, что в их глазах только сила представляет право. Можно отчасти согласиться с этим, но несомненно, что во главу угла управления странами должен лечь здоровый эгоизм, и мы должны сказать, что история знает примеры, когда не одни материальные интересы руководили державами... Как бы государственные люди ни преследовали материальные интересы, они всегда стараются найти нравственные импульсы и основания для достижения своих интересов, и приходится все более и более считаться с общественным мнением народов» (с. 60–61).

Особенно сильное впечатление в книге Чалхушьяна производит глава «Армянские ужасы». В январе 1916 г. Теодор Рузвельт писал в «Нью-Йорк таймс»: «Из всех ужасов самые тяжелые выпали на долю армян» (с. 62). Все журналы и газеты 1915–1917 гг. полны мрачных, гнетущих описаний преступлений против армян, леденящих душу фотографий. Автор книги пишет: «...прежде всего в армянских ужасах поражает система, та

система, которая впоследствии проводилась в сентябрьской бакинской резне (1918 года.–*Р. Б.*) выучениками Энвера-паши – Дживанширами, Хан-Хойскими и другими. Система такова, что поневоле вспоминаешь грозные и наглые слова министра внутренних дел Талаат-бея: «...за мечты и чаяния и вызывающее поведение армян в балканскую войну мы сделаем так, что они 50 лет не будут вспоминать об автономии...». Старые палачи Абдул-Гамида были человечнее, если только можно так выражаться о палачах. Новые палачи младотурки не знают ни совести, ни чести, ни жалости...» (с. 63).

В «Красной книге» Гр. Чалхушьяна множество свидетельств «кошмарного садизма» в «бесконечных преступлениях» турок, приводимых иностранными военными, очевидцами – англичанами, немцами, русскими. Нельзя без содрогания читать рассказ некоего полковника Э. об ужасах в долине Муша: «...в одном месте два блестящих офицера младотурка поспорили относительно того, какого пола мог быть плод у одной захваченной ими беременной армянки. Несчастной жертве спора был разрезан живот. В другом месте на глазах матери была изнасилована ее малолетняя дочь. Насытившись, злодеи зарезали свою жертву и приказали матери держать кувшин и поливать им руки, которые они мыли над еще не остывшим трупом. В третьем – маленьких детей сварили в котле и под страхом смерти требовали, чтобы родители попробовали эту пищу...» (с. 70).

Можно было бы привести таких примеров тысячи, продолжает автор книги, один ужаснее другого. «Но есть ли надобность вообще доказывать лютую, безграничную озверелость младотурок с их шефами во главе? – вопрошает Чалхушьян и дает ответ: – Все это делалось в угоду великой оттоманской идее. Армяне мешали торжеству панисламизма. Армяне должны были быть уничтожены, как союзники русских, англичан и французов»...

Примечательны следующие доводы армянского общественного деятеля и публициста относительно турецких планов «воспользоваться» мировой войной. Во-первых, преувеличивая значение германской мощи, Турция думала «раз навсегда обезопасить себя со стороны России, низвести ее до второстепенной державы, отнять у нее не только все то, что та завоевала у нее, но также и те области, которые никогда ей не принадлежали». Все уверения впоследствии, что она против России и русских ничего не имела и не имеет, что все это случилось благодаря царизму, вздор чистейший. Она «по-своему, по-турецки пожелала разрешить Армянский вопрос, чему очень помогало то обстоятельство, что объявлен был газават, т. е. священная война и христианское население империи было поставлено вне закона». Турецкое правительство задалось

целью совершенно искоренить армянский элемент, так как было уверено, что «европейские державы впоследствии будут считаться не с историей, а со статистикой...». Не сомневаясь в том, что германское правительство могло остановить руку зверей-палачей Энвера-паши и Талаат-бея, Чалхушьян объясняет, почему оно этого не сделало: «Германское правительство желало прежде всего сохранить доверие и расположение турок. Практически и бесстрастно подходя к этому вопросу, германские чиновники знали, что только потворствуя дурным страстям, предрасудкам турок, а не вмешиваясь в защиту объявленных вне закона армян, они могли удержать и сохранить это доверие и расположение. Само выселение армян должно было встретить сочувствие правящих кругов Германии и даже поощряться ради сверхкорыстной экономической политики. С одной стороны, Германии нужны были рабочие руки, а с другой – армяне являлись единственным культурным, стойким элементом, который поддерживал турецкую государственность. Они служили единственным препятствием к господству над Турцией» (с. 79–80). К тому же турецкие армяне, являясь поклонниками России, Франции, Англии и Америки, относились к Германии с предубеждением, имевшим достаточные основания: султан Абдул-Гамид, красный султан, после армянской резни удостоился дружбы и поддержки кайзера Вильгельма, и германские официальные круги считали армян «большим препятствием к германской колонизаторской деятельности в Малой Азии». «В армянах была такая опасность, – замечает Чалхушьян. – Недаром Эндрю Уайт, бывший американский посланник в Германии, говорил: «Армянский народ – самый трудолюбивый, способный, трезвый, нравственный и предприимчивый. Этот народ с большими и благородными дарованиями. Веками он поддерживал свою культуру среди притеснений, которые раздавили бы всякую иную нацию» (с. 80).

В своей обстоятельной, разносторонней и масштабной по охвату событий и проблем книге Гр. Чалхушьян показал весь трагизм положения армянского народа в период Первой мировой войны, вызревший в недрах абдулгамидовского режима Армянский вопрос, последовавший беспримерный в анналах истории геноцид армян, доведя повествование до образования первой Республики Армения и ее проблем в регионе, в котором она оказалась «без друзей».

Глава тринадцатая, последняя, весьма символична: она озаглавлена «Нашим русским братьям», и в ней, в смутное, сумбурное лихолетье гражданской войны в России, Чалхушьян призывает говорить обоим народам друг с другом открыто, честно, не лукавить. «Думаю, – пишет армянский публицист, – что пора расстаться с рассуждениями об избранных народах, которые должны господствовать, властвовать, повелевать,

и о народах, которые существуют будто для того, чтобы ими управляли. Все народы – братья. Все народы – равны. Всем есть и должно быть место под солнцем. Парию не должно быть отныне, и кровавая бойня, которая за четыре года скосила жизней, обездолила столько людей и столько народов, и эта революция, которая притупила все чувства и сделала людей звероподобными, – все это результаты империализма, который пора сдать в архив для счастья всех народов» (с. 194).

Подчеркивая, что «нынешние великие события многому должны научить наших государственных людей», Чалхушьян призывает: «Пусть каждый русский человек видит величие России в счастье русского народа, а не в обширности и безграничности областей, в состав ее входящих... Нынешние великие события показали и то, какое большое значение имеют маленькие народы, интересы которых так часто игнорировали. Таким маленьким народом является армянский народ, старый по историческому своему происхождению и только вот сейчас освобождающийся от многовекового рабства (Чалхушьян имеет в виду образование Республики Армения в 1918 г. – *Р. Б.*). И этот старый народ, только что возрождающийся для новой жизни, обращается к молодому русскому народу и говорит ему: «Русские братья, помните, что свободная Армения, дружественная, союзная, полезна для ваших же интересов. Она будет для вас связующим всегда звеном с Азией... Она разнесет там и семена вашей науки, вашей культуры и будет способствовать тому, чтобы окружить ваше имя ореолом славы и благородства...». Обращаясь к тем силам в России, которые были против образования независимой Республики Армения и всячески мешали становлению «новой Армении на развалинах Турции», Чалхушьян писал: «И армяне глубоко верят, что русская Армения, где в сущности и русского населения нет, где никогда не было русских интересов (с этим нам трудно согласиться. – *Р. Б.*), где веками лилась исключительно армянская кровь и которой и первоначально русские войска овладели, благодаря армянским добровольческим отрядам и армянским меликам (князьям), возвращена будет Россией нам – без досады и горечи! По велению совести и здравого рассудка...» (с. 196).

Гр. Чалхушьян приводит высказывание А. Леруа-Болье в связи с трагической судьбой армян: «История не знает, само солнце – солнце, которое, по выражению Вергилия, никто не посмеет обвинить в лживости, – едва ли когда видело в нашей печальной, окровавленной столь многочисленными злодеяниями планете столь ужасающее зрелище, какое наблюдалось... на Армянском нагорье». Но ведь ужасы, перенесенные нами за эту мировую войну, замечает автор книги, далеко превзошли все те ужасы 1895–1896 гг. (о которых говорил Леруа-Болье. – *Р. Б.*), и за-

дается «неудобным» для русских вопросом: «Подумайте, русские братья, нет ли тут и вашей вины. Ведь если эти ужасы вызваны хотя бы частью формированием армянских дружин, то ведь задолго еще до начала открытия военных действий со стороны Турции по распоряжению графа Воронцова-Дашкова и с одобрения... главы русского правительства были образованы эти дружины. И вот результаты. Не буду повторять: они вам хорошо известны. Остатки армянского народа жаждут теперь покоя, мира, жаждут немного счастья. Все это они ожидают получить на своей родине... Мы бы, армяне, горячо желали, чтобы в этот светлый день нашей окончательной свободы вы, русские наши братья, которым мы так верили, которых мы так любили, были с нами и радовались нашему счастью. Это счастье мы выстрадали давно...» (с. 197).

Книга Гр. Чалхушьяна полна больших надежд на послевоенную Парижскую мирную конференцию, на которой, по мнению автора, должна «по справедливости» решиться судьба независимой «объединенной» Армении, включающей шесть вилайетов Турецкой Армении, Киликию и Русскую Армению. Чалхушьян уверенно пишет: «Моральное право Армении на независимость, которую она объявила, – неоспоримо. Единственное возражение, которое могут сделать против этого друзья Турции, может свестись к тому, что оттоманская политика истребления армян была настолько совершенна, что сейчас нет достаточно армян для составления основного ядра населения будущего государства. Но признание ценности за этим возражением означало бы не что иное, как санкционирование принципа истребления малых культурных народов и возврат к варварству... Циничное заявление Талаата о том, что он положит конец армянскому вопросу истреблением армян, не осуществилось... Несомненно, союзники успеют в своем желании воссоздать Армению... Среди племен Востока армяне являются самыми интеллектуально одаренными, самыми даровитыми и самыми способными к промышленной культуре... Будь то в роли носителя культуры, будь то в роли материального возрождения, армяне остаются единственными наследниками той страны, которая является их исторической неотъемлемой собственностью» (с. 173–176).

По мнению армянского общественного деятеля и публициста, политические перспективы открываются перед родным народом «широкие, блестящие» – с победой союзников и «верной» ориентацией на них.

Некоторые мысли автора-патриота кажутся ныне наивными, иллюзорными и утопическими: «...Армяне желают иметь какой-либо выход в море, чтобы не очутиться в мешке, как в те печальные дни, когда Грузия душила нас, пользуясь своим положением. В этом отношении Александретта (порт на Средиземноморье. – *Р. Б.*) была бы более спасительна,

чем какой-либо порт на Черном море. Таким путем раз навсегда могли бы быть урегулированы сложные отношения и с грузинами, и с татарами в Закавказье. Армения должна быть объявлена нейтральной раз навсегда, как Швейцария, и она не должна быть ареной соревнования народов. Вот почему, если необходим протекторат, то желателен протекторат только одной великой державы, и лучше всего Америки, которая и теперь принимает в армянах больше участия, чем любая держава, спасая нас от голода. Армении должна быть оказана широкая финансовая помощь за счет Турции, которая ее разорила... Имущество умученных и убитых армян следует считать национальным достоянием всех армян... Турция должна отвечать и за бакинскую резню (1918 года.—*Р. Б.*). Ведь Нури-паша, вопреки даже Брест-Литовскому договору, наступал на Баку. Нури-паша сознательно допустил погром и резню армян, умышленно не вводя свои войска в город и давая возможность черни и банде татар грабить и убивать беззащитных армян... Убийцы не могут быть прощены и помилованы только потому, что они совершили много убийств. Все физические виновники и все моральные виновники в первую голову должны быть преданы суду международного трибунала, в который должны быть допущены армяне, как потерпевшие... Какой это был бы позор, какое это было бы несчастье, если бы только в каком-либо уголке мира над другим народом – повторились армянские зверства! Да не будет этого! Пусть же трибунал великих народов вынесет свой и великий приговор!» (с. 191–193).

«Красная книга» Чалхушьяна, острая, бескомпромиссная, вышедшая в свет в хаосе уже не мировой, а братоубийственной гражданской войны в России, избличала, клеймила, пригвождала к позорному столбу турецких палачей – заклятых врагов армянского народа, и в то же время вселяла веру и надежду в немногих друзей его, прежде всего в новую, борющуюся Россию.

Литературно-общественный и культурный деятель, прозаик, драматург и переводчик *Карен Саркисович (Герасим Сергеевич) Микаэлян* (1883–1941) был одним из самых видных представителей армянской интеллигенции периода Геноцида. К. Микаэлян, москвич родом из селения Верин Агулис под Нахичеваном на Араксе, оставил заметный след своей национально-патриотической деятельностью в годы Первой мировой войны, повлекшей Геноцид армян 1915 года. Душа настоящего патриота Микаэляна не могла не проникнуться болью и страданием за собственный народ: надо было что-то предпринять, активно действовать – если не с оружием в руках, то хотя бы пером, словом. Стараясь принести как можно больше пользы истерзанному и обескровленному родному народу, он оставляет благополучную Москву и осенью 1916 г.

прибывает в Закавказье. Главная цель писателя-патриота – посетить те места края, где скопились массы уцелевшего армянства, больные, голодные беженцы, сироты, заполонившие города и селения по русскую сторону Аракса... Агония целого народа продолжалась, и вставала кошмарная реальность: сотни и тысячи людей, спасшихся от турецко-курдских насильников и убийц, теперь уже умирали от голода, болезней и душевных расстройств на мирной российской территории! «В эти места меня влекло, с одной стороны, чувство гражданского долга – хоть как-то быть полезным тому морю нужды, что досталось моему племени, с другой стороны, внутренняя потребность литератора – видеть и познавать»¹², – писал К. Микаэлян в это время.

Московский литератор в 1916–1917 гг. посещает сиротские приюты, открытые по всему Закавказью – в Ереване, Эчмиадзине, Александрополе (Гюмри), Аштараке, Ошакане, Тифлисе, Баку и других местах. Будучи хорошо знакомым с представителями закавказской армянской интеллигенции, Микаэлян в своей инициативе находит поддержку среди них, советуется с ними по различным вопросам, ставит в известность о своих планах и намерениях местных видных деятелей литературы и искусства. Так, в письме от 6 декабря 1916 г. Микаэлян пишет из Еревана в Тифлис Ов. Туманяну: «...Посещал местные приюты. Имел две цели. Первое: записать последнюю трагедию западных армян по рассказам детей и на их основании создать художественные произведения, не выходя за рамки материала. Второе: собрать, явившиеся для меня самым неожиданным образом, литературные выражения. Сейчас у меня под рукой огромная литература. Из нее выбрал поэтические работы, в которых часто есть весьма удачные места. Они отражают последние события. Очень интересно и трогательно, как ребенок поет о своем горе и веселье, о перенесенных мучениях, об увиденных слезах...»¹³.

К. Микаэлян самоотверженно отдается психологически очень тяжелой и физически изнурительной, но благородной работе – в итоге рождается цикл рассказов «Истерзанная Армения», вопль пострадавшей армянской детской души. В предисловии, озаглавленном «Молодая Армения», литератор писал: «...Во мне возникло неодолимое желание приобщиться к трагедии западного армянина, когда его страна была разорена, семья разрушена и осквернена, родные стали мучениками и он попал в мир страданий и скитаний. Для этого мне необходимо было видеть его глазами, слышать его ушами и чувствовать его сердцем, не те-

¹² «Горц» («Дело», Баку), 1917, № 2, с. 140.

¹³ В. Варданян. Из писем Карена Микаэляна. – «Вестник общественных наук» АН АрмССР, 1981, № 2, с. 91 (на арм. яз.).

ря в то же время объективности писателя и хладнокровия протоколита»¹⁴. После долгих поисков К. Микаэлян убеждается, что этим его требованиям более всего удовлетворяют именно дети, так как «взрослые не могут спокойно и, что главное, без пафоса рассказывать свалившееся на их головы, как это делали дети. И сколько вопросов прояснилось, когда рассказчик – объективный, искренний и правдивый ребенок!» По его словам, рассказы взрослых обычно несвободны были от журналистских субъективных мнений, партийных влияний, даже «национальной озлобленности». Писатель подчеркивает: «Совершенные в Турецкой Армении адские преступления, безмолвные ужасы и вынесенное западным армянином сверхчеловеческое страдание должны были заставить заговорить даже камни, но камни не заговорили ... значит, пусть лепечет незатейливый язык невинных детей и расскажет нам правдивую историю нашей разоренной родины».

К. Микаэлян выбирал из массы детей-очевидцев различных областей, где свирепствовали резня и погромы, тех, кто обладал хорошей памятью и «резвым» языком, предлагал им рассказать и тотчас же на месте записывал все то, что они видели, слышали и перенесли. Писатель лишь старался, чтобы они не выходили за рамки материала. Опросы проводились среди сирот – малышей и подростков. Услышанное от детей Микаэлян фиксировал со всей тщательностью, зачастую, как он пишет, «со стенографической скрупулезностью», имея всегда рядом с собой в качестве свидетеля – чтобы не быть кем-то обвиненным в «сочинительстве» – обязательно какое-то третье лицо. «И когда таким путем, – заключает он, – собрал несколько десятков рассказов, вернее сказать биографий, и разложил рядышком, передо мной оказалось содержательное описание страны, горести и потери западного армянина, его разрушенный дом и родина, или, иными словами, вся Истерзанная Армения». На объемистой папке рукописи этого цикла рукой литератора надписано: «Готовые материалы. Пусть увидит свет когда-нибудь эта книга».

К сожалению, подобной книги так и не вышло в свет, но отдельные рассказы появились в армянской периодике, в частности в литературно-критическом и общественно-политическом журнале «Горц» («Дело») – «Нахшун», «Согомон», «Айказ», «Арменак», «Сирвард», «Эстер» – по именам детей-сирот, поделившихся с Микаэляном своими горестными злоключениями¹⁵. В кратком изложении эти рассказы впервые в нашем

¹⁴ «Горц», 1917, № 2, с. 140.

¹⁵ «Горц», № 2–6, 1917.

русском переводе вошли в научную монографию о Геноциде армян¹⁶. Большая же часть уникального документального материала так и осталась в рукописях фонда К. Микаэляна в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца в Ереване.

Предпринятое литератором дело и опубликованный ряд рассказов из цикла «Истерзанная Армения», созданный на основе реальных событий и фактов, удостоился внимания армянского читателя не только на родине, но также в России и Европе. Однако еще до этого писательница Забел Есяян в 1916 г. писала одному из своих друзей: «...Карен Микаэлян принес мне свои произведения для ознакомления: в высшей степени интересная и трогательная проделана им работа – прочел мне несколько страниц, которые все без исключения имели большую ценность: вот что нам надо было и уверена – то, что сделано им... несравненно важнее и более служит конкретной цели, чем зыбкие и дорогостоящие результаты комиссий...»¹⁷. В более позднем письме З. Есяян интересуется, почему писатель не продолжил в «Горце» публикацию «Истерзанной Армении». Она также дает высокую оценку беспримерному труду, который, по ее мнению, «всегда должен представлять огромную ценность как одна из самых волнующих работ о нашей современной несчастной жизни», и подчеркивает, что Микаэлян проделал эту «труднейшую» работу «искусно и со вкусом»¹⁸.

Цикл «Истерзанная Армения» – сдержанное, лаконичное полотно, подлинно рожденное из уст детей, без писательского профессионального «глянца», а потому каждый, кто соприкоснется с этими ледяными душами страницами, проникнется безусловным доверием к этим историям. Искренность малышей обезоруживает, а объективность и такт писателя лишь усиливают неизгладимое и сильное впечатление.

«Образная документальность» К. Микаэляна достигает своей основной цели – дать трагедию армянского народа устами его самых безвинных и незащитных осколков так, чтобы и им, и ему, лишь добросовестно «зафиксировавшему» все это, поверили. Поверили и ... содрогнулись, но главное – чтобы заклеямили преступников всем миром! Рассказы сирот – это художественно воплощенные свидетельства, не менее ценные, чем имеющиеся многочисленные документы и материалы архивов, европейских, американских и российских политиков, писателей, журналистов, миссионеров, военных, очевидцев.

¹⁶ Р. Багдасарян. Геноцид и армянская интеллигенция России. Ереван, 2003, с. 227–242.

¹⁷ З. Есяян. Письма. Ереван, 1977, с. 120 (на арм. яз.).

¹⁸ Там же, с. 143.

Общественно-патриотическая и культурная деятельность указанных представителей армянской интеллигенции России в годы Геноцида армян была направлена прежде всего на ознакомление широкой российской общественности с трагедией армянского народа.

ՌՈՒՍԱՀԱՅ ՄՏԱՎՈՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ-
ՀԱՅՐԵՆԱՍԻՐԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅՈՒՆԸ
ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ

ՌՈԲԵՐՏ ԲԱԴԴԱՍԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ու մ

Ռուսահայ հասարակական-քաղաքական ու գրական մշակութային առավել հայտնի գործիչներ Ալեքսեյ Ջիվեղևգովը, Գրիգոր Չախուշյանը, Կարեն Միքայելյանը իրենց հասարակական-հայրենասիրական գործունեության մեջ մշտապես հետնել և ուշադրության կենտրոնում են պահել հայերի պատմական ճակատագրի հարցը, հայ ժողովրդի նորագույն պատմության ողբերգական էջերը, մասնավորապես Հայոց ցեղասպանությունը:

THE SOCIO-PATRIOTIC ACTIVITIES OF ARMENIAN INTELLENTSIA
OF RUSSIA IN THE YEARS OF THE GENOCIDE

ROBERT BAGHDASARYAN

S u m m a r y

More known socio-political and literary cultural figures of Armenians of Russia Alexey Jivelegov, Grigor Chalkhushyan, Karen Mikayelyan have always followed in their socio-patriotic activities and kept in the centre of attention the issue of historical fate of the Armenians, the tragic pages of the newest history of the Armenians, particularly the Armenian Genocide.